

Человек. Личность. Гражданин

ФЕОХАРИЙ КЕССИДИ: УЧЕНЫЙ И ЧЕЛОВЕК

Г.В. ДРАЧ

Подлинная философия — всегда целая жизнь, ведь подлинный философ живет для того, чтобы размышлять. Не каждому это дано, но к Феохарию Кессиди относится в полной мере. Он родился и вырос в поселке Санта, где все дышало преданиями и любовью к Греции, где каждый житель носил в свой душе память об исторической Родине. В районном центре, городе Цалка (местности с компактным проживанием этнических греков) проходили организованные им знаменитые «Аристотелевские чтения». Но они были еще впереди, когда к нему уже пришла мировая слава, а в предвоенные годы (Ф. Кессиди родился в 1920 г.) он испытал на себе все превратности судьбы своего народа: депортацию греков, репрессии и чиновничий произвол. Даже кандидатскую диссертацию в Институте философии он защищал по прямому разрешению «отца народов» — «великого» Сталина. Всякий, кто беседовал с Ф. Кессиди, мог убедиться, что нетерпимость к тирании и глубокое чувство свободы греки сумели сохранить как свое бесценное национальное достояние.

Впрочем, уже первые публикации Феохария Харлампиевича обратили на себя внимание и привлекли интерес научного сообщества: монография «Философские и эстетические взгляды Гераклита Эфесского», вышедшая в Москве в 1963 г., оригинальные, яркие статьи в «Вопросах философии», книги о становлении древнегреческой философии, многочисленные рецензии и комментарии. В первой книге Ф.Х. Кессиди проявилась и еще одна особенность его творческого стиля, которая в те годы резко бросалась в глаза, — использование широкого круга мировой литературы. Он хорошо знал работы зарубежных, в том числе и греческих, авторов и знакомил с ними русскоязычного читателя, и каждая его новая работа получала российское, греческое и мировое признание. После этой книги для любого философа, как зрелого, так и начинающего (а к последним в тот период относился и я), любая статья, любая работа Кессиди становились событием.

В статьях и монографиях Ф.Х. Кессиди Гераклит и Парменид представляли не антиподами — носителями двух противоположных мировоззренческих позиций, диалектики и метафизики, а продолжателями одного и того же дела — поиска сущности вещей. Мир рассматривался ими с разных позиций: в одном случае с позиций

статике, в другом — с позиций динамики. Но при этом оказывалось, что это один и тот же мир, что его иначе и нельзя рассматривать, что изменчивость, динамика — это неизбежная характеристика мира, в основе которого лежит неизменно сущее. Совершенно не случайно в этом контексте проявился и интерес Кессиди к творчеству великого греческого философа Платона: в 1979 г. в московском издательстве «Наука» под редакцией Ф.Х. Кессиди вышла книга «Платон и его эпоха». Нельзя не отметить, что любимыми его философами на протяжении всей жизни оставались Гераклит и Сократ — им было посвящено несколько книг.

На первом плане творчества Кессиди всегда была эпоха и ее творцы, события далекого прошлого, которые воспринимались как современность. Опираясь на Фукидида, он воссоздавал широкое полотно общественной жизни греков. Античность становилась современностью, мыслители, сочинения которых можно было прочесть, превращались в постоянных и верных спутников жизни и собеседников: Гераклит, Сократ, Платон, Аристотель — к ним Феохарий Харлампиевич обращался в своих лекциях, статьях и монографиях. Во всех этих случаях мы наблюдали встречу великих, присутствовали на празднике мысли. Вот это чувство сопричастности непрестанно меняющемуся миру и в то же время чему-то вечному, непреходящему — самый простой и очевидный факт в череде непрекращающихся изменений и смены вещей и поколений — исходный пункт философии Гераклита и самого Кессиди. Основные темы его антиковедческих исследований — Античность и современность, античная культура и философия, значение античной философии для современного человека — навсегда войдут в золотой фонд отечественной и мировой философии. Книжки Ф.Х. Кессиди навсегда остаются с нами как место новой встречи для проникновенного, вдумчивого диалога с интересным собеседником и глубоким, проницательным человеком.

Неслучайно таким творческим пафосом и эффектом сопричастности, присутствия божественной истины, отличались «Аристотелевские чтения». Периклы, Ахиллесы, Гекторы и Гомеры греческих семей своим вниманием к нашим докладам и выступлениям и бескорыстной заинтересованностью возвращали нас к далекому героическому прошлому античной Греции. Понтийские греки сумели сохранить свою культуру и свою Родину в своей душе. Кессиди родился и вырос в этой среде. Поэтому идея проведения научных конференций, посвященных Аристотелю и древнегреческой философии в целом, впоследствии названных «Аристотелевскими чтениями», возникла у него совершенно закономерно.

Им предшествовал проходивший в Греции Международный конгресс, посвященный 2300-летию со дня смерти Аристотеля. «Аристотелевские чтения» продолжили эту традицию обсуждения проблем

философии и культуры с привлечением наследников эллинской культуры и широкого круга специалистов мирового уровня. Первая научная конференция была проведена в середине сентября 1978 г. Всего в Цалке было проведено четыре научных конференции с промежутками в три года: в 1978, 1981, 1984 и 1987 гг. Успеху конференций способствовали энтузиазм местных жителей и научное содействие грузинских ученых из Тбилисского государственного университета и Института философии АН Грузии. Весьма впечатляющим было научное представительство всей огромной страны: от Свердловска до Киева и Львова, от Таллина и Минска до Еревана, от Ленинграда и Москвы до Курска и Ростова-на-Дону. На конференции блистали профессор В.В. Соколов, А.Н. Чанышев, Г.Г. Майоров, член-корреспондент М.В. Попович. Особое уважение вызывали мэтры грузинского антиковедения — академики Нико Чавчавадзе и Шалва Хидашели, члены-корреспонденты Гурам Тевзадзе и Рисмаг Гордезиани. В ходе конференции имели возможность познакомиться друг с другом молодые специалисты в области античной философии. Там я встретился с Владимиром Гуторовым, Василием Гораном, Анатолием Семушкиным, Витольдом Зверевичем, Михаилом Махарадзе. Все они стали крупными антиковедами.

На Аристотелевских чтениях обсуждался чрезвычайно широкий круг вопросов, начиная от проблем онтологии и заканчивая проблемами антропологии. Основное содержание обсуждаемых тем нашло отражение на страницах журнала «Вопросы философии». Сейчас, по прошествии многих лет, начинаешь понимать, что успех конференции был обусловлен тем обстоятельством, что в ее рамках происходило не просто обсуждение узко специальных вопросов, а осознание некой культурной интенции, породившей Европу. И особая заслуга в осуществлении этого «античного проекта» принадлежала Ф.Х. Кессиди. Он сумел объединить отечественное антиковедение вокруг себя и, поставив проблему исторического значения и роли античной культуры, создать пространство научного коммуницирования.

Уже на I научной конференции Ф.Х. Кессиди обратил внимание на «единство противоположностей» древневосточной (особенно древнеиудейской) и древнегреческой культур, что проявилось в культурном развитии Европы, включая и Россию. Впрочем, Кессиди всегда подчеркивал, что для Древнего Востока характерна ориентация на миф и религию. Носители этой культуры — пророки. Древняя Греция преодолевает миф (для нее характерны философы с ориентацией на логос-разум), но не отказывается от него. Конечно, это был художественно обработанный миф, но важно то, что мифы коренились в глубине человеческого сердца, возникая из его велений и упований. Допущение же в этой связи возможности сверхъестественного открывало путь совершенно нетривиального для того времени понимания

культуры и сознания. Здесь начинались дискуссии по вопросам, которыми были озабочены греки: какова действительность сама по себе и какой она должна быть с точки зрения человеческих надежд и стремлений? Сталкивались сущее и должное.

На II научной конференции (1981) прозвучала критика античной культуры, логоса-разума, который направил духовные силы западного человека на овладение природой, а не на самосовершенствование. А.Н. Чанышев выдвинул тезис о том, что греческие философы, в том числе Аристотель, утратили глубину восточных пророков. На III научной конференции (1984) после докладов Ф.Х. Кессиди и Г.Г. Майорова стало особенно очевидно различие в культурах, одни из которых ориентируются на чудо, а другие — на трезвую реальность. Но какой тип культуры оказывается более жизнестойким? Этот вопрос тогда еще не возникал, хотя завязалась бурная дискуссия о том, было ли у древних греков представление о совести и был ли древний грек личностью? Таким образом, был поднят вопрос о культурных конститутивах и о типах культурной нормативности, актуальный по сей день и открывающий целый спектр антиковедческих исследований.

«Аристотелевские чтения», сами уже ставшие историей и науки, и человеческой жизни, объединившей многих людей в союз единомышленников и сделавшей их друзьями на всю жизнь, закладывали традицию аристотелеведения в нашей стране. Районный центр Цалка в те дни превращался в мировой центр философской мысли. Одна из «аристотелевских» конференций завершилась открытием памятника Аристотелю в Цалке, а улица, где был установлен памятник, стала носить его имя. Как отмечал в одном из своих писем на философский факультет РГУ Ф.Х. Кессиди, «прошедшие в 80-е годы прошлого столетия “Аристотелевские чтения” получили высокую оценку и имели широкий резонанс в научных кругах бывшего СССР. Они укрепили национальное самосознание и способствовали диалогу культур в период глобализации».

«Аристотелевские чтения», проводившиеся вплоть до распада СССР, затем проходили два раза на территории Украины, уже как суверенного государства, а теперь начинают возрождаться на Донской земле. В организации и проведении научных конференций в Ростове-на-Дону в 2010 и 2011 гг. приняли участие Московский государственный и Южный федеральный университеты, Ростовский государственный экономический университет и культурно-просветительское общество донских и приазовских греков «Танаис». Целью конференций стало продолжение традиций отечественного антиковедения и актуализация наследия великой Эллады, оказавшей ключевое влияние на развитие мировой цивилизации. Инициативы, связанные со столь значимой традицией, и проведение Аристотелевских чтений в Ростове-на-Дону имели символичное значение, так как позволили

почтить память нашего учителя и друга Феохария Кессиди, сделавшего возможным взглянуть на проблемы дня сегодняшнего с учетом накопленной веками человеческой мудрости.

Ф.Х. Кессиди, увлеченный городской житель, здесь, подобно Сократу, находил благодарных слушателей и достойных оппонентов. В отечественной литературе было много написано о тождестве личности и учения философа — видимо, философия не может быть интересной и талантливой без масштабной личности философа. И личное знакомство и многолетняя дружба с Феохарием Харлампиевичем убеждают меня в этом. Его всегда отличали открытость и доступность. Он не выставлял себя напоказ, а говорил, не лукавя, не скрывая, но располагая к размышлению, и тем вызывал уважение. При этом он сохранял постоянный интерес и внимание к собеседнику. Более того, он умел вызывать у собеседника столь необходимый для продолжения общения эмоциональный импульс, так что беседа сама собою перерастала в диспут. Это проявлялось даже в беседах на бытовые темы: и здесь он чувствовал собеседника — присутствующего или мысленного, и здесь он адресовался к Другому, как к личности, яростно защищая свои позиции, но не допуская унижения, снисхождения, трусости.

Его собеседником, как у Сократа, мог стать каждый. Это были и сильные мира сего, и простые люди из его родного села — все они были достойны оценки с позиции истины и справедливости. Таким он оставался и при обсуждении крупных теоретических и политических проблем. Он всегда понимал и чувствовал живого, реального человека. Так было в любой ситуации — шла ли речь об общих знакомых или об исторических личностях. Во многом общение с Кессиди, учителем, который давно стал другом, воспринималось нами, тогдашними студентами и аспирантами как переход от мифа к логосу. Но такой переход был возможен лишь на фоне могучего мифа, каким он и оставался в культуре Древней Греции, который трудно изъять из современной человеческой жизни и к которому мы невольно возвращаемся, читая блестящие философские работы Ф.Х. Кессиди о жизни и идеях Гераклита и Парменида, Сократа и Платона, чьи имена давно стали легендой. Да и сами события его жизни имеют мифопоэтическую реальность.

Книги, которые Кессиди присылал в Россию (Москву и Ростов-на-Дону) из Греции (Афин), некогда прочитанные им блестящие лекции в Ростовском государственном университете, воспринимаются в одном временном измерении: как прошлое и настоящее одновременно, т.е. как миф. А миф и оказывается подлинной реальностью, реальностью жизни. Феохарий Кессиди все эти годы не терял связи со своими многочисленными друзьями и учениками, которые встречались с ним во время его ежегодных приездов в Москву или во время посещения Афин российскими философами, общались с ним в письмах и по

телефону. Логос всегда живет на фоне мифа. Имя Кессиди вошло в отечественную философию как прекрасное и радостное событие, как творческое самопроявление логоса.

Выделяя особый вклад, который внесли древние греки в европейскую культуру и философию, Кессиди сохранял беспристрастный взгляд на историческое развитие человеческого интеллекта. В нем как-то очень органично объединялись человеческая увлеченность, эмоциональная отзывчивость и научная объективность. Видимо поэтому, что культурное развитие, историческое прошлое были ему так же интересны, как его настоящее. Интересовавшая его на протяжении всей жизни фундаментальная историко-философская проблема перехода от мифа к логосу софийна по своей сути. Это не обезличенный путь познания, это подвиги, жизнь и деяния конкретных людей, имена которых история сохранила для нас. И эти люди, так же как мы, любили и страдали, ненавидели, изменяли и оставались верными себе, друзьям и отечеству. Поэтому Античность всегда была представлена у Кессиди связанной с современностью, и неслучайно он обращался к теме национального характера греков, ища здесь разгадку греческого чуда. Сама личность Феохария Кессиди была и остается софийной со всей ее жизненной глубиной и погруженностью в мир истины и красоты.

Кессиди чувствовал живого человека и при обсуждении крупных теоретических и политических проблем. В этом смысле он часто говорил о Сталине. Сталин как исторический персонаж — это реальный человек, с которым много было связано человеческих бед и страданий, но, вспоминая его злодеяния, он понимал его и как миф. Миф всегда персонифицирован, он передает чувства, желания и настроения людей. И миф помогает человеку выжить. Выжить, но не жить, по крайней мере, в современном рационализированном мире: во время войны люди шли в бой с именем Сталина. Но за этим именем скрывались ГУЛАГ и депортации народов, в том числе и греков. Сам Феохарий Харлампович не был принят добровольцем на фронт. Кессиди, глубоко переживший весь трагизм сталинского мифа, по-настоящему понимал истоки, опасность, но также и силу мифотворчества. Может быть, поэтому он так бережно относился к рациональному наследию греческого гения. И здесь он не разрывал между собой рациональное и художественное, обращал внимание на образы и античную пластику, и в особенности — предостерегал от шаблонов типа: «материализм — идеализм», «диалектика — метафизика», предпочитая говорить о гилозоизме и пантеизме древних, их могучей стихийной диалектике. Как не сохранить впечатление о мифе, как о подлинной действительности — «действительности желания» (по Кессиди), которая побеждает всякую серую прозу жизни, так называемую реальную действительность. Миф всегда скрывает

правду, но если бы мы сказали, что десакрализация мифа открывает ее, мы бы ошиблись. Десакрализация мифа не означает самовозрастание логоса, в лучшем случае — это переход к сухой рассудочности, без полета фантазии и воображения.

Вильгельм Нестле сравнивал миф с безбрежным океаном, в котором разум представлен отдельными островками. Миф несет истину в себе, освобождая человека от тяжелого бремени познания и личной ответственности. Но если бы мы сказали, что сама по себе десакрализация мифа открывает путь истинного познания, мы бы ошиблись. У человека должна упасть пелена с глаз и открыться искомая истина, к которой он так стремится. Одиссей, чьи странствования небезосновательно уподобляют «неистовому поиску себя», доставленный к берегам Итаки с помощью Афины, оглядывается и не узнает Родины. Узнавание Родины, обретение себя и принятие на себя тяжелых испытаний — это и есть торжество разума (в этом случае Гомер использует термин *pous*). Не всем дано избавиться от мифа и стать на тяжкий путь познания, но греки открыли этот путь. Однако это не значит, что они отказались от своих мифов. Мифы, повествующие о богах и героях, — это боль и радость жизни, это обретение и страдание, это память о прошлом, живая нить воспоминаний. Греки жили своими мифами, которые служили им источником эстетического чувства. Монография Кессиди «Философские и эстетические взгляды Гераклита Эфесского» рассказывает об эстетике и диалектике космоса. Но путь «от мифа к логосу» не мыслим также и без Парменида: в не меньшей степени это и путь разума, логики, единства, объединяющего многообразие вещей в вечно живой и неуываемый космос. Двуединство мира — это гетерономный синтез, осуществление которого возможно только во внутреннем пространстве личности. Но все, что изменчиво, исчезающе, — вечно, ранее есть «вечно живое».

Соединение образа и понятия, возможность сохранения софийной глубины Кессиди обосновывает в теории смыслообразов. Да, метафорика присутствует в раннегреческом мышлении, но это не просто метафоры и аналогии. Это — смыслообразы, а значит, вещи несут в себе потаенный смысл, и, хотя он лежит на поверхности, не каждый может его увидеть. Люди видят, что противоположности расходятся и полагают, что они могут существовать обособленно и независимо друг от друга. На самом же деле из глубины вещей на поверхность выступает общее — «война» (борьба), гармония и справедливость. Борьба и гармония обеспечивают некое космическое единство, подчиняющееся «закону вселенной» — логосу. Логос есть «полемос» и «гармония» и связан с «дике», поэтому он и «правит всем через все», не совпадая с миром единичных вещей и желаниями человека. Поэтому цена человеческих желаний — жизнь души. Космос, огонь, душа трактуются обычно как физика, онтология и гносеология. Кессиди

переносит акценты в область этики и эстетики: «эстетическое созерцание и теоретическое мышление». Теоретическое мышление не может обойтись без «силы воображения». Именно здесь происходит возвращение к идее мифа и логоса.

Совершенно не случайно в этом контексте проявился интерес Кессиди к творчеству великого греческого философа Сократа, который был его любимым философом на протяжении всей жизни. Сократ — образец свободы и поисков истины. Его личность символизирует мужество принятия решений, ответственность за свою собственную свободу и свободу своих сограждан. Кессиди не был сторонником теории чистой телесности греческого миропонимания и мироощущения. Личностность и неповторимость характеризуют древнего грека на поле боя и в мирной жизни, в сражении и в народном собрании. Отсюда проистекает активное участие в общественной жизни, беспреостанное кипение страстей, стремление к превосходству, агонистика, которая, по мнению Кессиди, была национальной чертой греков.

Можно сказать, что разум и свобода — те ценности, которые древние греки оставили миру и которые сами были порождением агональности. Агональность, открытая греками, позволила Европе создать механизм общественного признания личных успехов и достижений и построить на этом фундаменте динамичный демократический мир. «Агон» высвобождает внутренние стимулы к художественному, интеллектуальному и политическому творчеству, что и позволило грекам совершить культурный переворот. Таким образом, социальная динамика как «агон» и полисная культура как ее результат заставляют возвращаться к характеристике «человека агонального» — выражение известного культуролога Якоба Буркхардта, который рассматривает агональное начало как «движущую силу» в действиях личности. Главное ее проявление — стремление победить любой ценой (ценой потери имущества, денег, здоровья и даже самой жизни), но не нарушая установленных правил (игры по правилам), иначе победа оборачивается поражением. Опасности, связанные с таким стремлением, очевидны. Но без этого невозможна победа, а в этом и состояла цель каждого грека, без этого была бы невозможна общественная жизнь. Отсюда вытекает необычайное честолюбие греков, стремление любой ценой достичь славы и известности, даже если это печальная слава Герострата, сжегшего прекрасный храм Артемиды Эфесской. Но это же стремление побуждает к участию в общественной жизни, что и приводит к возведению Закона в высшую общественную ценность.

В повседневной жизни греки делали все для отстаивания своего мнения и достижения славы, яростно споря и противопоставляя каждому тезису антитезис. Не случайно в вопросах управления городом каждый из граждан имел право подавать советы. Вот этот эффект «политической равноодаренности» граждан и «умения жить

сообща» и объясняет результат греческой агонистики и ее направленности на достижение «калокагатии» (подлинного совершенства, сочетания в личности «доброго» и «прекрасного»). Секрет направленности античной культуры к агонистике кроется в проблеме, которую иногда вводят в исследовательский оборот под названием «ребенок-слуга». Античный «педагог» — это не воспитатель в нашем смысле, а слуга, сопровождающий юношу в палестру или гимнасий. Основная его задача — оградить подопечного от совершения недостойного, но сам педагог не мог быть образцом для подражания. Однако, отсекая недостойное, педагог учил жить по правилам, по законам полиса, и система образования как агонального состязания подготавливала юношу к участию в этой «игре по правилам». Агональная личность — это двуликий Янус, на одной стороне которого может быть написано «будь внимательным к чужим мнениям, оберегайся зависти других, ничего сверх меры», а на другой — «не обращай ни на кого внимания, действуй сообразно своим устремлениям, только победа и победа любой ценой».

Агонистика — показатель личной и социальной ответственности, приобретаемой греками в ходе их социальной истории. Агонистика, состязательность сформировали личность. Это объясняет рациональный образ жизни с устремленностью к поиску неординарного решения и верховенства разума. Элементы агональной культуры прочно вошли в фундамент Европы. Среди них права и достоинство личности, обязательность закона для всех, авторитет как способность «сохранить лицо» и т.д. Кессиди подчеркивал, что с этим же связано признание творческого начала в деятельности личности, прав авторства и запрет на плагиат, а также ориентация на «теорийный» (созерцательный) образ жизни, высокая оценка знания и науки, искусства, философии, которые вобрали в себя пафос и конкретные элементы агонистики.

Однако политический рационализм всегда сочетался с религиозным иррационализмом, это отмечал Кессиди и у греков. С этим же были связаны и опасности агонального образа жизни, сочетавшего рационализм и иррациональные импульсы и устремления. Агональность открывала бездны иррационального и причиняла грекам немало бед и страданий, злосчастная Пелопонесская война тому свидетельство. И все же развитие свободы и демократии Кессиди связывал с демифологизацией сознания, что приводило к разрушению привычного мира, тождества образа и вещи, которое наблюдается уже в гомеровских сравнениях. В поисках истины древний грек обращался не к богу как источнику истины, а к себе, к собственному сердцу: лирика становилась способом самовыражения личности.

Возвращаясь к идее мифа, можно сказать, что он был основой традиционных культур, но поиск нового, неистребимое желание

открытий и сладкое слово «свобода» направили греков на путь познания. И вот тут еще одна идея — преодоление иррационального, темных, мрачных сторон человеческого сознания. Греки видели их и отводили глаза, как неоднократно отмечал Кессиди. И эта сторона человеческого сознания показывает, что свобода не может быть подарена сверху. Макс Поленц так писал о внешней и внутренней свободе: свобода — это самообретение и путь к себе через самоограничение. Греки и здесь показали свое величие. Вся система пайдеи (эпос, лирика, театр) открыла путь формирования внутренней свободы, без которой человек не может стать властелином самого себя, личностью, а тем самым обрести и внешнюю свободу. Путь «от мифа к логосу» пролегал через диалектику и агонистику, в этом контексте проявляются опасности агонального образа жизни, но также и масштабы античной культуры.

Коллизия досократиков и понятийной философии Сократа, которой Кессиди уделял немалое внимание — это, по сути, просветительский поворот на пути, когда миф уступил место логосу. Но, предупреждали Сократ и Кессиди, и сам логос всегда служил чему-то третьему — мудрости или неразумию, даже безумию. Теорийность, теорийный образ жизни, открытый досократиками, коренится в человеческой душе, которая и скрывает в себе загадку мироздания. Отсюда и вытекает призыв: «познай самого себя». Поэтому так интересны Гераклит и Сократ в изображении Кессиди. Не десакрализация и унификация мира, а поиск божественного в человеке — вот основная идея философского завещания Феохария Кессиди. Оно и сегодня может служить нашей жизни.

Аннотация

В статье рассматриваются теоретические взгляды Ф.Х. Кессиди, крупного современного ученого-антиковеда. Особое внимание уделяется его концепциям перехода от мифа к логосу и истоков «теорийного» отношения к миру. Автор проводит мысль о том, что философские взгляды Ф.Х. Кессиди опирались на его жизненный опыт и осмысление судеб понтийских греков и народов Кавказа.

Ключевые слова: античная философия, миф, логос, мудрость, борьба, гармония, разум.

Summary

The article considers the theoretical views of F. Kessidi, the eminent contemporary scholar of Greek philosophy. Special attention is paid to his conceptions of the transition from myth to logos and the sources of the «theoretical» attitude to the world. The author puts across the idea that F. Kessidi's philosophical views were based on his life experience and reasoning about the destinies of the Pontic Greeks and peoples of the Caucasus.

Keywords: ancient philosophy, myth, logos, wisdom, struggle, harmony, reason.